

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ / HISTORY OF PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.11621/LPJ-24-49>

УДК/UDC 159.9

Лев Выготский: письма к Эмме

Н.Л. Савченко ✉, М.В. Сиян

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

✉ savchenko.ni.leo@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В публикации представлен текст трех ранее неизвестных писем Л.С. Выготского к Э.И. Хейфец, которые были написаны им в 1918, 1920 и 1921 гг. Проведен психологический анализ текста писем в контексте жизненной ситуации автора в момент их написания.

Цель. Раскрытие ранее неизвестных аспектов личностного и профессионального становления Л.С. Выготского.

Методы. Анализ архивных документов в сопоставлении с биографическими материалами исследуемого периода жизни Выготского.

Результаты. Письма представляют собой уникальный источник для понимания переживаний и морально-этических взглядов молодого Выготского: в них он приводит размышления о своем «Деле жизни», требуемых для его реализации личностных выборах, социальных «жертвах», а также рассуждает о таинстве личных чувств. Анализ показывает, как эти чувства и жизненная позиция Выготского менялись со временем.

Выводы. Проанализированные письма наряду с особенностями взаимоотношений внутри семьи и в микросоциальном окружении выявляют своеобразие самовосприятия и личностного самоопределения Выготского в юношеские годы.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, Э.И. Хейфец, Д.И. Выгодский, архивные документы, письма, личностный выбор, самоопределение

Благодарности. Авторы благодарят за деятельное участие в подготовке статьи главного научного сотрудника лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» ФНЦ ПМИ, академика РАО Владимира Самуиловича Собкина.

Для цитирования: Савченко, Н.Л., Сиян, М.В. (2024). Лев Выготский: письма к Эмме. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(4), 270–296. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-49>

Lev Vygotsky: letters to Emma

Nina L. Savchenko ✉, Marina V. Siyan

Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

✉ savchenko.ni.leo@yandex.ru

Abstract

Background. The current publication presents the text of three previously unknown letters from L. S. Vygotsky to E.I. Heifetz, which were written by him in 1918, 1920 and 1921. A psychological analysis of the letters was carried out in the context of the author's life at the time of their writing.

Objectives. The goal is to disclose previously unknown aspects regarding the personal and professional development of L.S. Vygotsky.

Methods. Analysis of archival documents in comparison with biographical materials from the period of Vygotsky's life under study.

Results. The letters represent a unique source for understanding the experiences and moral and ethical views of the young Vygotsky: in them he provides reflections on his "Life's Work", the personal choices and social "sacrifices" required for its realisation and talks about the mystery of personal feelings. The analysis shows how these feelings and Vygotsky's life views changed over time.

Conclusions. The analysed letters, along with characteristics of relationships within the family and in the microsocioal environment, reveal the uniqueness of Vygotsky's self-perception and personal self-determination in his youth.

Keywords: L.S. Vygotsky, E.I. Heifetz, D.I. Vygotsky, archival documents, letters, personal choice, self-determination

Acknowledgements. The authors would like to thank Vladimir S. Sobkin, a chief researcher of the Laboratory of the Center for Sociocultural Problems of Contemporary Education, Federal Scientific Centre of Psychological and Multidisciplinary Research, Academician of the Russian Academy of Sciences for his help in the preparation of this article.

For citation: Savchenko, N.L., Siyan, M.V. (2024). Lev Vygotsky: letters to Emma. *Lomonosov Psychology Journal*, 47(4), 270–296. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-49>

Предварительные замечания

Архив Льва Семеновича Выготского был тщательно изучен многими исследователями (Г.Л. Выгодская, Т.М. Лифанова, Е.Ю. Завершнева, В.С. Собкин и др.). Обнаруженные в нем ценные материалы преимущественно опубликованы и известны в кругах, интересующихся творчеством великого отечественного ученого. И все же остается ощущение, что многое о его жизни мы до сих пор не знаем. Оно и движет нами. Так, однажды В.С. Собкин, опубликовавший ранее «Комментарии к театральным рецензиям Л.С. Выготского» (Собкин, 2015), а также первую рукопись молодого ученого «Трагикомедия исканий» (Собкин, 2022) и некоторые другие материалы из творческого наследия Выготского, подал нам идею поездки в Санкт-Петербург, где в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится архив Давида Исааковича Выгодского, двоюродного брата Льва Семеновича. В разговорах с В.С. Собкиным мы предположили, что в архиве могут быть обнаружены новые материалы о жизни Выготского, оставшиеся благодаря тесному общению и крепкой дружбе между братьями. В этой связи основное внимание при работе с архивом мы уделили поиску следов их переписки.

Эта поездка и состоялась в августе 2022 г. Первые пару дней знакомство с материалами архива было напряженным, но безрезультатным. Отведенные на командировку дни подходили к концу, появлялось чувство обиды за зря потраченное время. Вдруг к нам в руки попался документ: письмо к жене Д.И. Выгодского Эмме. Но письмо было написано не рукой будущего мужа — в качестве подписи стояла буква «Б». Беба! Домашнее имя Л.С. Выготского. Его почерк... Следом еще два письма. Одно было написано спустя два года, другое еще через год. Все три в одной архивной ячейке. В них описаны глубоко личные переживания. Могли ли мы мечтать увидеть что-либо подобное?

Тон статьи, как уже заметил читатель, пока далек от строгого научного изложения. Это объясняется трепетным отношением авторов к найденному материалу. Заметим, что сам Л.С. Выготский просил адресата уничтожить послания — но вопреки его желанию они сохранились, и вот они перед нами. По согласованию с потомками Льва Семеновича было принято решение не лишать профессиональное сообщество возможности прочесть эти письма. Не материал для домыслов и пересудов мы предлагаем читателю, но знакомство с еще одной гранью автора, с его *юношескими переживаниями*, которые

Гомель, 1921 г. Фотография Льва Семеновича, которая хранилась у его учениц
Gomel, 1921. Photograph of Lev Semenovich, kept by his students

оказали серьезное влияние на становление мировоззрения и в том числе научных взглядов в зрелости. Конечно, можно говорить о социальном значении человека, судя по плодам его деятельности. Говорить же о *личности* без понимания ее отношения к собственной деятельности, к окружающим, без знакомства с ее переживаниями, известными не на основе «реконструкций», а от первого лица, порой невозможно.

Безусловно, претендовать на разгадку всех сокрытых в письмах смыслов было бы слишком смело, но мы постараемся дать комментарии к некоторым важным, на наш взгляд, моментам.

Начнем с контекста.

В 1917 г. Лев Семенович завершает обучение в московских университетах и в декабре возвращается в Гомель (Выгодская, Лифанова, 1996). Однако перед возвращением, осенью этого года он некоторое время пребывает в Самаре, как выяснилось из его переписки с Р.Ю.Э., с которой они задумывали написание книги по еврейскому вопросу. Это время отмечается биографами Выготского как переломное, сложное в эмоциональном отношении; время перестройки мировоззрения (Завершнева, 2013). Сам Л.С. Выготский позже будет говорить о «еще неразумной и несвободной, а потому стихийной, сильной, покоряющей печали наших отроческих лет» в своем письме к Н.Г. Морозовой от 29.07.1930, описывая «минуты и часы бессилия, обморочного состояния души и воли, глубокой горечи — почти отчаяния...» (Выгодская, Лифанова, 1996, с. 165–166).

Но не только духовные поиски и интеллектуальные изыскания наполняли беспокойством и сомнениями двадцатилетнего Льва Выготского. Это время также отмечено тяжелыми внешними обстоятельствами. Идет Первая мировая война, жизнь Гомеля нестабильна: оккупация, смена власти и др. По приезде домой Выготский берет на себя труд заботиться о тяжело болеющих матери и младшем брате. За невозможностью найти постоянную работу он зарабатывает частными уроками. Через некоторое время умирают братья Выготского: от туберкулеза и тифа. Весной 1919 г., с приходом мирной и относительно стабильной жизни города, он посвящает себя народному образованию, с чего начинается период его бурной деятельности в области педагогики и психологии, он активно занимается вопросами литературы и театра (Выгодская, Лифанова, 1996).

Об отношениях Льва Семеновича с Эммой Иосифовной до сих пор было известно не так много. Обнаруженные нами письма написаны в 1918, 1920 и 1921 гг., до того, как в 1922 г. Эмма Иосифовна

Хейфец стала Выгодской — женой Давида Исааковича. Известно также, что в том же 1922 г. Давид Исаакович, Эмма Иосифовна и Лев Семенович совместно работали над выпуском журнала «Вереск» (Собкин, 2015). Сама Эмма Иосифовна — детская писательница; в круг ее общения входили талантливые писатели, переводчики, филологи, бывавшие в их с мужем доме в Петербурге. В 1922 г. она окончила романо-германское отделение историко-филологического факультета 1-го МГУ. Работала с С.Я. Маршаком. После ареста Давида Исааковича в 1938 г. Эмма Иосифовна вела переписку с НКВД, смело отстаивая жизнь своего мужа.

Три письма Эмме

В письмах Л.С. Выготский размышляет о своих отношениях с Эммой Иосифовной (на тот момент еще под фамилией Хейфец). Первое письмо написано за четыре года до брака Эммы Иосифовны и Давида Исааковича, а последнее — за год до него. Таким образом, допустимо, что взаимоотношения молодого Выготского и Хейфец на тот момент могли быть романтическими; по крайней мере между ними была взаимная симпатия. Хотя точный характер их общения за пределами переписки неизвестен, содержание писем указывает либо на разрыв отношений, либо на отказ в сближении. В этой связи важны три идеи, в которых Выготский определяет изменения в своем мироощущении:

- необходимость оторванности от близких для реализации «Дела жизни»;
- стремление сохранить идеализированный образ («тайнство и вечность невозможных чувств»);
- рефлексия собственных личностных изменений.

В письмах присутствует эмоциональная напряженность: судя по тону и содержанию, к моменту написания писем между Львом Семеновичем и Эммой Иосифовной уже сложились непростые отношения. Первое письмо во многом резкое по отношению к самой Эмме и категоричное по характеру высказываний. Второе письмо на этом фоне выглядит пересмотром предыдущей позиции, где Выготский признает свои ошибки и выражает готовность к изменениям. Третье письмо демонстрирует снятие былой напряженности во взаимоотношениях Выготского и Хейфец.

Заметим, что первое письмо было написано 16 ноября. Эмма Иосифовна родилась 15 ноября, Лев Семенович — 17 ноября (по новому стилю). Интересно, что в традиции у многих представителей

еврейского народа не принято праздновать день рождения. В этот день внимание обычно устремляется на состояние собственной внутренней жизни, чтобы подвергнуть анализу ее содержание, вынести уроки и исправить что-то в новом году, который при условии работы над собой принесет счастье. Можно предположить, что отчасти обращение к переосмыслению жизненных планов и ориентиров, что отражено в письме, спровоцировано особым периодом раздумий при переходе в следующий год жизни (в связи с «днем рождения»).

Приведем последовательно тексты самих писем (Архивные материалы, ОР РНБ, ф. 1169, ед. хр. 692).

16-XI-18. Вечер

Сейчас вернулся от Вас. — Вы вся в колебаниях. Вы правы. Я знал давно (еще и до 1 апр.), что это именно так и должно быть. Совместить несовместимое нельзя — даже в отношении к «патологии» (возьму это гадкое слово). Что-то.

Въ Вас это не серьезно последней серьезностью. Въ Вас это не до конца. С вопросом, колебанием, выбором, узнанием.

Разумеется, Вы (хоть не до конца) знаете, что и первое и второе (тем более), Вами услышанное, ≠ не правда. Но правда хуже во много разъ.

Изъ всего этого вывод один. Не как решение или намерение, но как осуществляющееся безъ всякого усилия, да не вопреки ему, действительность, правда дней, часов, минут — вместе и порознь. Этот выход — вернее: уход — не Вами, но — легко, решен. Но все в Вас — одно из — толкование. А остальное — м.б., ответное, отраженное любопытство к себе же самой. И не больше.

Въ этом надо дать себе отчет. Строго и очень трезво.

Я чужой вам человек. М. б., и умственно — в наиболее открытой части — незнакомый. Тем более въ остальном — в главном. У меня есть, несмотря на все, дело жизни — тяжелое, трудное, всепоглощающее. Это — моя Самара. М.б., это мое отъединение от всех. Я стараюсь никого не привязывать к себе — даже с родными, с бесконечно близкими — медленно и верно убиваю всякую душевную связь. Въ этом моя «работа» пока. Я не могу еще «взяться» за большее. Но для меня всякая жизнь невозможна. И все пути в ней, все, что составляет мою жизнь, испытывается последними испытаниями и отпадает, как шелуха. Т.е., м.б., и остается, но так — отмершее, неживое, безразличное. И остается — одно. На этой почве складывается и обрисовывается неудача и расхождение со своими, со всеми, — с Вами.

Вспомните все великое земли, да
же внутреннюю, готическую красоту, красоту
дней, часов, минут - восток и пороги
этой восток - восток: уход - не Ваши, ко-
нечно, ртуть. Но не в мае - одно от-
таивание. А оставшее - м.д., отлет-
ное, отраженное лобовое к
себе же самим. И не больше.

На этом надо дать еще один шаг.
То и очень важно.

А выной вам человек. м.д., и червен-
ко - в наиболее открытой части - катя-
Коваль. Типичные боты в остав-
ном - в павном. У меня есть,
кеселитер на вы, что мити-
тисное, берудное, бесподлинное.

Это - моя Самара. м.д., это мое
отведение и в ветх. А Самарское
книго не привлекать к сест-
рам с родными, с безмерно

Прибавьте к этому: кто я — и что Вы угадали уже или, во всяком случае, бессознательно начинаете угадывать.

Хочу сказать одно. Я знаю, что нам не вместе — врозь. Вам нужно знание и еще. Мне не то. Но как бы ни сложилась жизнь, как бы плохо Вы впоследствии (и сейчас) не думали про меня, как бы далеко я ни ушелъ из В. жизни и всего, изъ чего она соткана: знайте одно. Мое к Вам — непреходяще. Если оно невозможно и не будет — это оно глубже и тайнее возможности и жизни. Но оно всегда есть — даже в том, что уводит Вас от него. Всегда есть.

Еще одно: идите туда, куда Вы бросились под первым впечатлением. И ответьте на вопрос иначе. Въ этом будет и мое счастье за Вас. Я думаю, если это суждено, — это счастье и радость, и возможность.

Но никогда никому (пусть даже!) не открывайте того, что не было и не могло быть у нас. Этому есть причина, и это Ваша обязанность навсегда, как бы легко Вы не отнеслись впоследствии к этому.

Кончаяю. Это еще предпоследние слова мои к Вам. Надеюсь еще сказать последнее. Мы остаемся, м.б., еще на день. Надпись за мной.

Это письмо — непременно уничтожьте, если моя душевнейшая просьба значит для В. что-нибудь. Б.¹

Конверт, на нем подпись: Эмме Иосифовне Хейфец 15(2) апр. 1920

Мне хочется назвать Васъ на этот разъ такъ: дорогая Эмма, п.ч. Вы не только милая, но дорогая; п.ч. Вы дороги мне. — Мне надо сказать Вамъ несколько краткихъ словъ правды — просто и серьезно. Вчера мне было очень горько и больно, не было силъ говорить то, что нужно. Къ тому же, разговоръ наш всегда сбивается на лживый, фальшивый и шуточный тонъ, и серьезныхъ несколько слов надо мне написать.

Я хочу, чтобы вчерашний день был у меня поворотнымъ и решительнымъ днемъ, чтобы никогда больше не было и не повторилось ничто изъ того, что было прежде. Это день важнейшихъ и глубочайшихъ моихъ решений — навсегда.

Мои слова къ Вамъ въ этотъ вечеръ — я хочу повторить ихъ: никогда не забывайте, никогда не отказывайтесь отъ Вашего предрассудка.

¹ Во всех трех письмах Вygотский подписывается «Б» в соответствии со своим домашним именем «Беба».

Мне тоже казалось часто, что в конце концов будет то, о чемъ говорили Вы вчера, и что не хочется называть мне.

Такъ испортили и вышутили до дна мы это святое слово. Сейчасъ думается мне (кто знаетъ?), что этого никогда не будетъ.

Выходите замужъ — скорее — просто и строго, и мудро: безъ любви, безъ ожиданий и радости, но на трудное дело жизни. Я никогда не забуду того волнения, которое охватило всего меня, когда въ темной комнате и пустой (Ваши были на даче) Вы сказали, что выходите замужъ; и это волнение даетъ крылья моей мысли и думе о Васъ и позволяетъ сказать Вамъ сейчасъ — на пороге дней моихъ: — да, выходите.

Такъ жизнь пройдет. Но в неизбывный часъ

Я передъ Богомъ за тебя отвечу.

И эта уверенность тоже велитъ мне сказать эти горькие и тяжелые для меня слова.

Что до меня — я навсегда отказываюсь отъ того легкомысленного и пошлого тона моихъ отношений къ Вамъ, которого сейчасъ мучительно стыжусь и который едва ли не худшее изъ всего, в чемъ я грешенъ передъ людьми, передъ собой, передъ Богомъ. У меня нетъ сейчасъ мелкого самолюбия — казаться лучше, чемъ я есть; нетъ и другого — (было! было!) — казаться хуже. Но глубоко глядя въ свою душу и вызывая ее на строгий ответъ и судъ — ничего кроме страшного и неумолимого, кроме жестокого и непоправимого, не нахожу въ ней.

Простите меня.

Пусть лучше я буду, какъ одинъ изъ проходящихъ мимо, какъ чужой.

Всякий разъ лучше пусть буду молча и далеко отъ Васъ, чемъ всякую встречу обращать в пытку. Это говорю безъ декламаций и лжи. Для меня пыткой — и не радостной — были кощунства моихъ легкихъ разговоровъ. Ныне конецъ имъ.

Если не можетъ быть другого разговора, другого общения между нами, лучше пусть не будетъ его вовсе. Это одно изъ важныхъ тоже решений вчерашней моей ночи.

Въ одномъ я не виноватъ передъ Вами: самого жестокого и больного не говорилъ я въ лицо Вамъ, какъ вчера упрекнули Вы.

Беспутной моей ложью я отравилъ себе навсегда радость — видеть Васъ просто, какъ видятъ Васъ родные, близкие и друзья; идти иногда рядомъ, слышать Васъ. Может быть, когда-нибудь это все вернется ко мне. М.б., и Вамъ будетъ спокойнее. Будемъ ждать.

А пока — мне надо, чтобы Вы знали, что я уже не тотъ съ Вами, что былъ, что на новые выходитъ душа моя пути, и оттуда виднее мне — мое къ Вамъ, что я губилъ и расточаль зря.

О 1ой апр.: это день печали для меня, день лжи о правде. Его Въ этотъ день никогда больше не буду съ Вами, но суеверно буду править эту годовщину, когда я хоронилъ часть себя. Но, если буду живъ и буду новый, иной день отдамъ Вамъ. — Навсегда и неизменно, и одной. — Целую Вашу руку. Вашъ Б.

Гомель.

13 марта 1921.

Воскресенье.

Милая Эмма, в эту очень трудную и серьезную для Вас минуту, примите мою белую радость о Вас, о Л.А.

Я почувствовал ее остро, легко, светло. Вволнованно отдаю ее Вам такой же. Примите ее. Прошу Вас.

Вам преданный душевно Б.

Абрис переживания: от субъективной идентификации к авторской позиции

Замечательно, что под знаком этих напряженных и противоречивых взаимоотношений проходит значительный период жизни Выготского, начавшийся по крайней мере не позже упоминаемого «рокового» 1 апреля (напомним, что Лев Семенович уже вернулся в Гомель в начале 1918 г.) и продолжавшийся в течение трех лет.

Об этих письмах мы словами Гамлета могли бы сказать: «Слова, слова, слова...», и добавить к ним из размышлений Выготского об этой пьесе: «Все совершается вне сцены. Здесь как бы только отзвуки и отблески, отражения, отсветы происходящего, только рассказ, только тень...» (Выготский, 1986, с. 367). Суть же неизреченна (indefable) и для самого автора, если, опять же, опираться на представления Выготского тех лет, выраженные в его первой работе о «Гамлете». Обращение к трагедии Шекспира здесь не случайно: произведение было его любимым на протяжении всей жизни, о чем свидетельствует дочь Гита Львовна: Лев Семенович собирал разные издания трагедии, перечитывал ее на разных языках и мог частично цитировать наизусть (Выгодская, Лифанова, 1996). Напомним, что первый серьезный анализ «Трагедия о Гамлете, принце датском, у Шекспира» (1916) был осуществлен им уже в рамках дипломной работы в университете А.Л. Шанявского и позднее высоко оценивался литературными и те-

атральными критиками как свежий, не замеченный ранее взгляд на широко известное произведение.

Мы находим удивительное сходство между тем, как Выготский описывает переживания главного героя трагедии, и тем, как проявляются его собственные переживания в обнаруженных письмах. При этом первое из них было написано спустя два года после завершения анализа «Гамлета». В связи с этим можно высказать два соображения.

Первое касается предположения о том, что идентификация Выготского с Гамлетом развилась до феномена «отраженной субъектности». Так, трагический персонаж, глубоко затронувший юного Выготского, обретает «идеальную представленность» в его личности, становится «источником нового смысла» и способствует «преобразованию жизненных отношений к миру» (Петровский, 1985, с. 18–21). Однако заметим, что интерпретировать можно и иначе: Лев Семенович узнал в Гамлете себя — свои настроения, размышления, — и поэтому герой стал для него близок и дорог. Одно верно — его переживания *вошли в резонанс с переживаниями персонажа*.

Присутствие такой прочной идентификации Выготского с Гамлетом само по себе не удивительно: как отмечает В.С. Собкин, исходной точкой работы с Гамлетом для Выготского является не просто положительное отношение к произведению, а «особое эмоциональное состояние “восторга”» (Собкин, 2015, с. 17). Гамлет, несомненно, оказал огромное влияние на личностное формирование Выготского. При этом он сам отмечает важность механизма идентификации читателя с героем в трагедии: «сущность психологического воздействия трагедии заключается в том, что мы идентифицируем себя с героем. Это совершенно верно, что герой есть точка в трагедии, исходя из которой автор заставляет нас рассматривать всех остальных действующих лиц и все происходящие события» (Выготский, 1986, с. 239).

Второе соображение связано с изменением взгляда Льва Семёновича как на любимое произведение, так и на мир в целом. Позже Выготский напишет, что «сущностью всякого кризиса является перестройка внутреннего переживания», которая подразумевает изменение отношения к среде (Выготский, 1984, с. 385). Опираясь на приведенные письма и публикации Выготского тех лет, мы замечаем, что в кризисный для него период происходила *трансформация переживания*: во многом «гамлетовское», его отношение к миру преобразуется, конфликт изживается, приходит другое понимание действительности и своего места в ней, вместе с этим меняется и понимание трагедии Гамлета. В этом отношении работа «Психология

искусства» (1925) становится итогом пройденного им душевного и творческого пути: от феноменологического взгляда на искусство к попытке его объективного осмысления. Проницательно отметил это изменение в Выготском и один из его адресатов: «Ваш душевный узор — совсем последнее слово современности», — пишет шутливо в письме ко Льву Семеновичу в 1922 г. Р.Ю.Э., с которой он ранее обсуждал национально-религиозную проблематику (Завершнева, 2013, с. 17).

И действительно, после первого этюда о Гамлете (1915–1916), через десять лет, уже в «Психологии искусства» (1925), ставя перед собой задачу разработки объективно-аналитического метода исследования искусства, Лев Семенович пишет, что современные ему исследователи из-за отсутствия такого метода «пользуются вульгарной обывательской психологией и домашними наблюдениями» (Выготский, 1986, с. 34). При этом он подвергает критике «субъективный взгляд», имея уже опыт *читательской критики*, которая основана на собственном переживании и понимании трагедии. Курс исследования меняется диаметрально, и теперь оно призвано в большей степени отвечать требованиям научного знания, чем задаче углубления в собственный внутренний мир. Вместе с этим он предлагает и новый подход к анализу «Гамлета».

В этой связи в письмах к Эмме мы прослеживаем, как переживание в отношениях Выготского с ней меняется на фоне как трансформации его идентификации с Гамлетом, так и отношения к миру в целом.

«Мое отъединение от всех»

«Отъединение Гамлета, его полнейшая оторванность от людей и его новая жизнь» — основной предмет исследования для юного Выготского в его первом анализе «Гамлета» (Выготский, 1986, с. 405). О необходимости «отъединения» он говорит и в своем первом письме Эмме, только уже применительно к собственным планам: «...это мое отъединение от всех. Я стараюсь никого не привязывать к себе — даже с родными, с бесконечно близкими — медленно и верно убивая всякую душевную связь».

В этой связи отметим, что идея *отъединения от всех* не соответствует развиваемым им в дальнейшем научным взглядам, согласно которым взаимодействие со значимыми другими и расширение социальной среды в целом играет ключевую роль в возрастном развитии (Выготский, 1984). Но такая позиция вполне объяснима в контексте

проживаемых Выготским личностных трансформаций в момент написания писем — в ситуации личностного кризиса. Причем она соответствует психологическим особенностям возраста: первое письмо было написано Выготским на пороге 22-летия, второе и третье в 23 и 24 года.

В этой связи, пользуясь терминами Э. Эриксона (который отчасти близок к Выготскому в понимании процессов взросления в контексте взаимоотношений с социальной средой), можно отметить, что во время написания писем Эмме Лев Семенович переживает ситуацию вхождения во «взрослую» жизнь — согласования идентичности во всех ее аспектах. Этим завершается психосоциальный мораторий, «суть которого — подвергнуть испытанию нижний предел некоторой правды, перед тем как вверить силы тела и души части существующего (или грядущего) порядка, подчиниться существующим в обществе законам» (Эриксон, 2006, с. 248). Сам Выготский определяет это время жизни личности как поздний юношеский возраст (18–25 лет), который открывает период зрелости (Выготский, 1984, с. 244–268). В юношестве человек по сути начинает заниматься самоопределением по отношению к той жизненной ситуации, в которой он оказывается, входя во взрослую жизнь. И этот период нельзя назвать спокойным, поскольку он насыщен поиском и сомнениями, сопутствующими самоопределению. По Э. Эриксону, в этот период осуществляется установление и проверка собственных идеалов, стремлений, с которыми молодой человек будет двигаться по жизни.

Продолжим, согласно Эриксону, в поздней юности в качестве отголоска *кризиса идентичности* может возникнуть *кризис интимности*: «юноша, не уверенный в своей идентичности, избегает межличностной интимности» (Эриксон, 2006, с. 147). При этом «неотъемлемой частью интимности является дистанцированность», но в ситуации кризиса может проявляться ее крайняя форма — изолированность (Эриксон, 2006, с. 147). Удивительно, что именно ситуацию Гамлета Эриксон приводит в пример для попытки «проникновения в сущность одного из “возрастов человека”», что, по его мнению, удалось совершить Шекспиру в трагедии (Эриксон, 2006, с. 248). Тема правды и верности, прежде всего верности самому себе — честности перед собой, — лежит в основании поведения героя. Гамлет, по мнению Эриксона, находится в том возрасте, когда «он готов лишиться своего моратория» и должен действовать на основе собственной идентичности, которая, однако, спутана (Эриксон, 2006, с. 248). И тогда он, пребывая во внутреннем поиске, погружается в состояние

«отчуждения (курсив наш. — Н.С., М.С.) от человеческого существования» (Эриксон, 2006, с. 250).

Таким образом, в письме к Эмме, на наш взгляд, не только прослеживается проявление идентификации Выготского с Гамлетом, но и отражена общая закономерность проживания характерного возрастного кризиса. Более того, можно сделать вывод о том, что Гамлет выступает как особое *знаковое средство*, тот символ, который Выготский неявно использует для «работы» со своими переживаниями. Это способ *культурного овладения собственным поведением* в ситуации «обыденной» жизни.

Главной идеей первого письма становится невозможность совмещения Выготским его «Дела жизни» («*моя Самара*») и любой душевной связи с окружающими. В первую очередь возникает вопрос о том, в чем же именно он видит свое «Дело», требующее от него уединения («*отъединение от всех*»). В письме к Р.Ю.Э. Выготский делится своими размышлениями в связи с задуманной «*Книгой о Нации*», в которой он хочет представить особый взгляд на судьбу поколения (Завершнева, 2013, с. 11).

Подобно тому как Лаэрт предостерегает Офелию *от связи* с Гамлетом («Он в *подданстве у своего рожденья* (курсив наш. — Н.С., М.С.) <...> От выбора его зависят жизнь и здравье всей державы»), сам Лев Семенович предостерегает Эмму *от связи* с самим собой, поскольку он видит свою особую роль (*жизненную задачу*) в понимании своеобразия судьбы своего народа, еврейской национальной идеи.

Здесь намечается явная перекличка с характеристикой, данной Лаэртом Гамлету:

«Природа в нас растет; но вместе с этим храмом
Внутри его растет служение ума.
И духа».

Так точно и молодой Выготский находится в поиске духовном; он ищет национальные, мировоззренческие основания, на которые может опереться.

Как Гамлет, вернувшись в Эльсинор из университета в Виттенберге, томится в родном городе от чуждых его внутреннему миру внешних обстоятельств, так и Выготский, вернувшись в Гомель из Москвы, не может применить свои знания, приобретенные в ходе обучения в московских университетах. Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях С.Ф. Добкин: «Все, что он знал, далеко выходило за пределы гомельской обыденности того времени. Приложить свои

знания он не мог. Это было очень тяжелое для него время» (Добкин, 1996, с. 55). Режим оккупации, неопределенность судеб родного края, отсутствие места работы, тяжелые семейные обстоятельства — все это удручало и давало поводы для раздумий о будущем.

Об этих раздумьях в контексте собственной биографии и значимости в ней отношений с Эммой можно также судить и по неотправленному письму к Р.Ю.Э., где Выготский дает набросок предисловия к задуманной им «Книге о Нации»: «Книга — автобиография в некоем смысле. Наш язык (русский), смысл, душевная жизнь, капитал психологичности (житейскость, время [пре]провождения, интересы, вкусы, стремления, <суд> себя), *разговоры с Эммой* (курсив наш. — Н.С., М.С.). Помянуть кружок, который был вдохновлен размышлениями над судьбой, смыслом евр-ва...» (Завершнева, 2013, с. 11). Таким образом, среди того, что повлияло на мировоззрение Выготского, специальное место уделено Эмме как значимому собеседнику.

На этом фоне неожиданно звучат его слова в письме, адресованном самой Эмме: «Я чужой вам человек. М.б., и умственно — в наиболее открытой части — незнакомый. Тем более во остальном — в главном». Подобное противоречие выявляет остро переживаемый кризис в личных отношениях. Но это не просто разрыв, а вызванная «тяжелым, трудным, всепоглощающим делом жизни» необходимость «медленно и верно убивать всякую душевную связь».

За этим скрывается особая «гамлетовская» боль. Заметим, что за три года до первого письма Эмме, где он делится с ней своими переживаниями, Выготский в «Этюде о Гамлете» (1915–1916) во многом схоже описывает переживания принца Датского: «Для Гамлета, отмеченного траурной скорбью не отсюда, нет женской любви. Любовь вся в мире, он вне мира; а в его душе нет ей места <...> Он не только отрешен от людей и к ним так относится — он отрешен от самого себя и к себе относится так же <...> Любовь как косвенное утверждение жизни (начала жизни), рождения, браков, мира, всего, что отвергает трагедия, — ей нет места в душе Гамлета» (Выготский, 1986, с. 441–444).

Выготский, анализируя Гамлета, сфокусирован на внутренних конфликтах героя, особенно на его отрешенности от окружающего мира и невозможности принять любовь как позитивное и жизнеутверждающее начало. Как Гамлет в восприятии Выготского, так и сам Выготский испытывают оторванность от мира и отказываются от связи с окружающими. Но если у Гамлета это связано с трагедией смерти отца, то у Выготского — с Делом жизни, которое становится для него

приоритетным. Если у Гамлета взгляд на реальность обусловлен связью с *потусторонним* миром (тень отца), то у Выготского — поиском исторических корней, национально-религиозным самоопределением.

Через призму переживаний Гамлета Выготский рассматривает действующих лиц и происходящие события, но уже не в трагедии, а в драме собственной жизни, что подтверждают его интонации в первом письме: *«правда хуже во много раз», «для меня всякая жизнь невозможна», «...останется отмершее, неживое, безразличное».*

Идея отъединенности у Выготского, как и у Гамлета, связана с ощущением «изначальной скорби бытия». Эта скорбь — трагична: «и как мы не назовем непосредственно, ближайшим образом причину трагического состояния: роком или характером героя, мы придем все равно к истоку этого состояния; к бесконечной, вечной отъединенности “я”, к тому, что каждый из нас бесконечно одинок» (Выготский, 1986, с. 487).

«Самый факт человеческого бытия — его рождение, его данная ему жизнь, его отдельное существование, оторванность от всего, отъединенность и одиночество во вселенной, заброшенность из мира неведомого в мир ведомый и постоянно отсюда проистекающая его отданность двум мирам — трагичен» (Выготский, 1986, с. 358). Мысли об ином мире, самоопределение в пространстве духовных и религиозных вопросов являются одними из самых насущных для Выготского в те годы (Собкин, Климова, 2017а; 2017b; 2018; Sobkin et al., 2024а; 2024b; 2024с). С.Ф. Добкин отмечает, что Выготский получил очень хорошее религиозное образование, глубоко изучал корни иудаистского мировоззрения. Его размышления в этой области носили скорее «историко-моральный», чем «клерикальный» характер (Добкин, 1996, с. 40). И поиски в этом направлении он начинал по крайней мере с 16-летнего возраста, когда подготовил доклад «Трагикомедия исканий» на основе размышлений над текстом ветхозаветной книги Екклезиаста (Собкин, 2022). Опираясь на предложенное Выготским распределение строк из нее по периодам жизни, нельзя не заметить сходство самоощущения молодого Выготского в 1917 — 1920-е гг. с тем душевным состоянием, которым располагает его герой во второй период жизни. Это и «утрача цели и смысла деятельности» (или, по крайней мере, сомнения и неопределенность в этом отношении), и «желание испытать себя», и острое ощущение времени, и признание и установление отношений с Богом (Собкин, 2022, с. 56–60).

Таинственная гамлетовская проблема стремится найти свое разрешение в жизни Выготского в его размышлениях о судьбах еврейского народа (Завершнева, 2013). Делом жизни для него становится воплощение идей о непреходящем в контексте современности, о сохранении единства, традиций и, главное, — духа. Не завершив еще столь сложный диалог в своей душе и не донеся его до современников, он не может отдаваться другому. Обостренному чувству общности с собственным народом у него сопутствует чувство отчужденности и одиночества среди близких и родных людей. При этом обратим внимание и еще на одну деталь: перестройка отношений с ближайшим окружением связана с актуализацией для него не только темы истории народа, но и истории собственной жизни, автобиографии. Подобный взгляд на свое прошлое в контексте настоящего является своеобразным способом (психотехникой) преодоления личностного кризиса.

Таинство невозможных чувств

Второй сюжет в письмах — абсолютная уверенность Выготского в глубине своих чувств, неизменная при любых обстоятельствах и не зависящая от его собственного решения отдалиться от окружающих.

«Но как бы ни сложилась жизнь, как бы плохо Вы впоследствии (и сейчас) не думали про меня, как бы далеко я ни ушел из В. жизни и всего, изъ чего она соткана: знайте одно. Мое к Вам — непреходяще. Если оно невозможно и не будет — это оно глубже и тайнее возможности и жизни. Но оно всегда есть — даже в том, что уводит Вас от него. Всегда есть».

Во-первых, стоит отметить, что Выготский ни в одном из писем не дает название своим чувствам: «мое к Вам», «оно» — нечто невыразимое. И вновь при обращении к тексту Выготского о Гамлете обнаруживается определенное сходство, становится понятно, что подобный способ выражения личных переживаний не случаен. Выготский делает особый акцент на специфике чувств Гамлета к Офелии: «Все время он ее любит, но об этом в пьесе почти ни слова — лучший пример невыразимости его ощущений» (Выготский, 1986, с. 441).

Невыразимость чувств Гамлета к Офелии, Выготского к Эмме — важный элемент трагедии, часть ее тайны в обоих случаях. Именно неопределенность и непостижимость этих чувств делают их вечными и глубокими.

У раннего Выготского часто встречается мысль о том, что литературное творчество не заканчивается вместе с завершением процесса

создания произведения, а продолжается в процессе субъективного восприятия читателем. Именно таким образом Выготский пытался рассматривать «Гамлета» — не с традиционной, академической точки зрения, а с субъективной, изучая произведение как тайну, не поддающуюся логическому растолкованию, ведь «если критики хотят снять загадку с трагедии, то они лишают самую трагедию ее существенной части» (Выготский, 1986, с. 207). Вместо восприятия произведения в качестве «секрета», имеющего определенную разгадку, Выготский воспринимает его как *тайну* — необъяснимую и вечную (Пузырей, 2005).

Также Выготский выражает и свое чувство — неназываемое «*мое к Вам*», «*оно*», — которое он испытывает к Эмме. Это чувство «*тайнее возможности и жизни*» именно из-за своей невозможности, неосуществимости. И именно поэтому «*оно всегда есть*» — как необъяснимая *тайна*.

Личностное изменение под влиянием чувств

Пессимизм и отрешенность, характерные для личных переживаний Выготского в первом письме, подчеркивают сложность его взаимоотношений с окружающими и стремление к изоляции в условиях внутреннего конфликта. Причем инициатором отъединения от близких становится сам Выготский. Заметим, что в письме к Эмме он стремится охарактеризовать свое поведение иронически. Но это своеобразная *маска*. О причинах этого мы также можем судить по тому, как Выготский интерпретирует Гамлета.

«В сцене представления Гамлет говорит Офелии колкости. В цинизме этого разговора есть что-то маскирующее, что прикрывает, завешивает. Но ведь и завеса и маска в высшей степени характерны и важны. Здесь (Гамлет ждет представления, смотрит на сцену) слышится что-то надрывное, что-то унизительно-отрадное и злое, когда позор души, грех сорвал все внешние приличия и стеснения, когда обнаженность души уже не цинична (это необходимо отметить — цинизм — пошлость, а у Гамлета в этих словах глубокая боль и надрыв души)» (Выготский, 1986, с. 444).

Циничность слов Гамлета воспринимается Выготским в качестве проявления его душевной боли; заметно, как тон первого письма Выготского к Эмме также во многом диктуется маскировкой внутренних сомнений, противоречий. Такая болезненная маскировка проявлялась не только в письмах, но и в личном общении между ними, что Выготский сам подчеркивает во втором письме: «*Вчера мне было очень*

горько и больно, не было сил говорить то, что нужно. Къ тому же, разговоръ наш всегда сбивается на лживый, фальшивый и шуточный тонъ, и серьезныхъ несколько слов надо мне написать».

И действительно, второе письмо более искреннее, по сравнению с первым. Вот его начало: «Мне хочется назвать Васъ на этот разъ такъ: дорогая Эмма, п.ч. Вы не только милая, но дорогая; п.ч. Вы дороги мне». Какой контраст наблюдается в таком развернутом обращении по сравнению с первым письмом, в котором обращение к Эмме в принципе отсутствует! Создается впечатление, что это письмо действительно пишется *Дорогой Эмме*, в то время как первое письмо начинает казаться и не письмом вовсе, а отрывком из произведения «Трагедия о Выготском».

Во втором письме Выготский пытается выразить свои *невыразимые* чувства к Эмме. Он все еще обозначает их как «мое к Вам», но теперь он действительно общается с Эммой, пытается передать ей смысл «своего» отношения. Сброшена маска цинизма, которой прикрыты агрессия и обида, появляется нежность, вина. Выготский пишет, что отказывается от «легкомысленного и пошлого тона» своих отношений, желания казаться лучше/хуже, просит прощения. И внезапно появляется ощущение, что второе письмо писал другой человек: возможно, Выготский, в котором стало меньше *Гамлета*, но больше *Выготского*.

Стоит заметить, что рассуждения в тщательно обдуманном втором письме (в нем даже выдержано дореволюционное правило ставить в конце слов букву «ъ») носят исповедальный характер. Признание вины перед людьми и перед Богом, такие мысли, как «сейчас — на пороге дней моихъ», «на новые выходитъ душа моя пути, и оттуда виднее мне — мое къ Вамъ, что я губилъ и расточалъ зря», «если буду живъ и буду новый», дают повод предполагать, что по какой-то причине Выготский в то время размышлял о конечности жизни. Возможно, близость смерти он ощущал в связи с обострением туберкулеза, которым, по некоторым свидетельствам, он заболел уже в «гомельский период».

В момент написания первого письма в самовосприятии Выготского ключевую роль играет его идентификация с Гамлетом. Но со временем в его мироощущении появляются новые мотивы, не соответствующие его «внутреннему Гамлету». И если в первом письме он пытается сформировать представление о собственных чувствах на основе своих представлений о чувствах Гамлета, то во втором обнаруживает себя новое самоощущение — более зрелое и оформленное.

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

Б. Пастернак

О том, каким чувством жил Выготский по отношению к Эмме, мы можем только догадываться, но его же словами о воспитании чувств из «Педагогической психологии» мы скажем: он «не только талантливо мыслил, но и талантливо чувствовал» (Выготский, 2012, с. 27). Ему принадлежат также слова: «любовь может сделаться таким же талантом и даже гениальностью, как и открытие дифференциального исчисления» (Выготский, 2012, с. 27). Так мог написать только тот, кто в действительности прикоснулся к разным граням любви, тот, кто любил. Подчеркивая первостепенное для развития личности значение преобразования переживания, он несомненно опирался на собственный опыт переживаний. Ему, как мы видим, хорошо была понятна роль чувств в воспитании: «ни одна моральная проповедь так не воспитывает, как живая боль, живое чувство» (Выготский, 2012, с. 26). И оно, живое, бьется в найденных строках.

Отметим, что для Выготского в его концепции понятийного мышления особенно важно объединение аффективного и когнитивного начал, на основе которого и развивается самосознание. И слово здесь является связующим звеном, средством и показателем развития: «чтобы уловить свои душевные движения, чтобы осмыслить свои внешние восприятия, человек должен каждое из них объективировать в слове и это слово привести в связь с другими словами» (Выготский, 1984, с. 68). Он настаивает на значении чувств и их интеллектуализации для жизни, для действия: «Не лучшей крайностью эмоционального воспитания является чрезмерная и ложно раздутая чувствительность, которую следует отличать от чувства. Под чувствительностью надо понимать такие формы эмоциональных реакций, когда эмоция не связывается ни с каким действием и вся без остатка разрешается в тех внутренних реакциях, которые ее сопровождают. <...> Насколько эмоция могущественна и важна для действия, настолько сентимент бесплоден и ничтожен» (Выготский, 2012, с. 27). Осуществление этих принципов мы видим в его собственной жизни, на примере этих писем: ему недостаточно чувствовать, хочется понимать, хочется быть искренним, настоящим, хочется отразить свои отношения.

Итог своей рефлексии по поводу собственных чувств Выготский подводит в двух строках:

*Такъ жизнь пройдет. Но в неизбывный часъ
Я передъ Богомъ за тебя отвечу.*

Заметим, что это неявное обращение к стихам А. Блока:

*В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам бог
В час искупительный — у гроба.*

А. Блок — второй, после Пушкина, как утверждает Добкин, любимый поэт Выготского. Причем его всегда в большей степени привлекали философские и трагические мотивы в стихах (Добкин, 1996, с. 41–42). В данном случае Выготский обращается к Блоку в попытке обозначить своеобразие отношений, связывающих его и Эмму. При этом он уверен, что Эмма знает это стихотворение и может понять его истинное отношение к ней. Подобное *иносказание* своего отношения необходимо в силу ее предстоящего замужества. В то же время это момент переосмысления, обновления: его словами, он *«уже не тот, что был»*.

И здесь особую важность играет третье письмо. В нем Выготский выражает *«белую радость»* о неизвестном событии, связанном с Эммой, проявляя внимание к ее жизни и свою готовность поддержать в *«серьезную и трудную»* для нее минуту. Хотя это письмо гораздо короче предыдущих, оно дает нам возможность сделать ключевой для данной истории вывод о перерождении былых страстей в иную форму взаимоотношений, характеризующуюся заботой и поддержкой.

Через год Эмма станет женой его двоюродного брата Давида Выгодского. Для завершения истории приведем выдержку из еще одного письма, которое мы обнаружили в том же архиве, что и первые три. Это совместное письмо Льва Семеновича и его жены Розы Ноевны в Петербург Давиду Выгодскому. В письме много сюжетов (Собкин, Емелин, 2023). Но вот интересующий нас шуточный фрагмент, касающийся Эммы в характеристике Розы:

«О жене твоей могу сообщить тебе сведения только мало утешительного характера. Мы видели ее только один раз, остальное время она находит удовольствие коротать со своими родственниками... Я однажды потратила на нее целый день, ожидая ее, условившись

накануне, конечно. Но она не из тех мелочных и бюрократических людей и головотяпски заставила меня разгильдяйствовать в городе, в ожидании ее.

Думаю, что по возвращении ты сделаешь ей соответствующее внушение и возьмешь с нее подписку, если не о невыезде, — то об относительно аккуратных наездах».

Мы видим, что отношения Выготского и Эммы изменились и встроились в систему близких межсемейных. Их определяет уже другой контекст. И здесь, улыбнемся, своя диалектика, когда история повторяется дважды — «первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» (Маркс, 1957, с. 119). Можно думать, что Лев и Эмма, уже *смеясь*, относятся к своему прошлому.

Заключение

Письмо — продолжение разговора, удержание и продление мысли. И приведенные письма, по крайней мере первое и второе, написаны вслед за напряженными встречами, «недоговоренными» словами, фразами, ответами на вопросы. Понятно, что в личной переписке содержатся черты устного высказывания, которые не требуют уточнения контекста и деталей, очевидных для собеседника. Читательнице-собеседнице писем Выготского легко представить, как бы это было сказано — с какой интонацией, выражением лица. Скажем об этом словами самого Выготского: «Психическая близость собеседников... создает у говорящих общность апперцепции, что, в свою очередь, является определяющим моментом для понимания с намека, для сокращенности речи» (Выготский, 1982, с. 343).

И в то же время письмо — это опосредованный личный разговор, поэтому в нем «речевые отношения становятся определителями, источниками переживаний, появляющихся в сознании по поводу их самих (т. е. речевых отношений)» (Выготский, 1982, с. 340). Мы также замечаем, что движимое душевным порывом первое письмо напоминает «мысленный черновик» — внутреннюю речь. И, вспоминая о том, что «внутренний смысл (или подтекст) передаваемого сообщения может быть гораздо богаче, чем его внешнее грамматическое содержание» (Кнебель, Лурия, 1971, с. 77), должны сказать, что мир души Выготского для нас еще загадок полон.

В заключение еще раз заметим: эти письма никогда не были и не должны были стать публичными, они — живое чувство, очень личные. Пусть ни один наш домысел не потревожит память гения отечественной психологии, но каждое предположение будет служить

как одна из тропинок познания его личности, многогранной, неисследимой и незабвенной.

Список литературы

Архивные материалы. Отдел Рукописей Российской национально библиотеки. Ф. 1169. Ед. хр. 692. Л. 1–9.

Архивные материалы. Отдел Рукописей Российской национально библиотеки. Ф. 1169. Ед. хр. 601. Л. 6–7.

Выготский, Л.С. (1982). Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 2. Проблемы общей психологии. Под ред. В.В. Давыдова. Москва: Изд-во «Педагогика».

Выготский, Л.С. (1984). Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 4. Детская психология. Под ред. Д.Б. Эльконина. Москва: Изд-во «Педагогика».

Выготский, Л.С. (1986). Психология искусства. Под ред. В.В. Иванова, коммент. Л.С. Выготского и В.В. Иванова, вступит. ст. А.Н. Леонтьева. 3-е изд. Москва: Изд-во «Искусство».

Выготский, Л.С. (2012). Воспитание чувств. *Вестник практической психологии образования*, 9(4), 26–27.

Выгодская, Г.Л., Лифанова, Т.М. (1996). Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. Москва: Изд-во «Смысл».

Добкин, С.Ф. (1996). Л.С. Выготский: начало пути. Воспоминания С.Ф. Добкина о Льве Выготском. Ранние статьи Л.С. Выготского. Под ред. И.М. Фейгенберга. Иерусалим: Иерусалимский издательский центр.

Завершнева, Е.Ю. (2013). «Молвь о даре душевного усилия»: мысли и настроения Л.С. Выготского в 1917–1918 гг. *Вопросы психологии*, (2), 1–21.

Кнебель, М.О., Лурия, А.Р. (1971). Пути и средства кодирования смысла. *Вопросы психологии*, (4), 77–83.

Маркс, К. (1957). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В: К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения: в 30 тт. Т. 8 (2-е изд.). Москва: Государственное издательство политической литературы.

Петровский, В.А. (1985). Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности. *Вопросы психологии*, (4), 17–31.

Пузырей, А.А. (2005). Психология. Психотехника. Психагогика. Москва: Изд-во «Смысл».

Собкин, В.С. (2015). Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского: Выготский Л.С. Театральные рецензии. Москва: Федеральное государственное научное учреждение «Институт социологии образования» РАО.

Собкин, В.С. (2022). «Трагикомедия исканий» Льва Выготского: опыт реконструкции авторских смыслов. Москва: Изд-во Московского ун-та.

Собкин, В.С., Емелин, Г.Д. (2023). Критика Выготским фашизма в немецкой психологии 1930-х: политические, социально-психологические и личностные контексты. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(3), 189–215.

Собкин, В.С., Климова, Т.А. (2017а). Лев Выготский о радости и скорби (комментарии к статье «Мысли и настроения»). *Культурно-историческая психология*, 3(23), 71–82.

Собкин, В.С., Климова, Т.А. (2017б). «Траурные строки»: к вопросу о национально-культурном самоопределении Л.С. Выготского. *Культурно-историческая психология*, 13(2), 4–12.

Собкин, В.С., Климова, Т.А. (2018). Лев Выготский: кто мы, откуда и куда? (К вопросу о национально-религиозной идентичности). *Культурно-историческая психология*, 14(1), 116–125.

Эриксон, Э. (2006). Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. Москва: Флинта.

Sobkin, V.S., Klimova, T.A., Prestes, Z., Tunes, E., Santos de Araujo, E. (2024a). “Linhas do Luto”: sobre a autodeterminação nacional e cultural de L.S. Vigotski. *Educação Em Foco*, (29) (Especial), e29005.

Sobkin, V.S., Klimova, T.A., Prestes, Z., Tunes, E., Santos de Araujo, E. (2024b). Lev Vigotski: sobre alegria e tristeza: Comentários ao artigo “Ideias e ânimos”. *Educação Em Foco*, (29) (Especial), e29006.

Sobkin, V.S., Klimova, T.A., Prestes, Z., Tunes, E., Santos de Araujo, E. (2024c). Lev Vigotski: quem somos, de onde viemos e para onde vamos? Acerca da questão da identidade nacional e religiosa. *Educação Em Foco*, (29) (Especial), e29007.

References

Archival materials. The Manuscripts Department of the National Library of Russia. F. 1169. D. 692. L. 1–9. (In Russ.)

Archival materials. The Manuscripts Department of the National Library of Russia. F. 1169. D. 601. L. 6–7. (In Russ.)

Dobkin, S.F. (1996). L.S. Vygotsky: The way he started. In: I.M. Feigenberg (eds.), S.F. Dobkin's Memoirs. Vygotsky's early essays. Jerusalem: Jerusalem Publishing Center. (In Russ.)

Erickson, E. (2006). Identity: youth and crisis. Moscow: Flint Publ. (In Russ.)

Knebel, M.O., Luria, A.R. (1971). Ways and Means of Encoding Meaning. *Voprosy Psihologii*, (4), 77–83. (In Russ.)

Marx, K. (1957). The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. In the collection of K. Marx and F. Engels Works: in 30 vol. Vol. 8. (2nd ed.). Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russ.)

Petrovsky, V.A. (1985). The Principle of Reflected Subjectivity in the Psychological Study of Personality. *Voprosy Psihologii*, (4), 17–31. (In Russ.)

Puzyrej, A.A. (2005). Psychology. Psychotechnics. Psychogogy. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)

Sobkin, V.S. (2015). Commentaries on Lev Vygotsky's Theatrical Reviews. Moscow: Institute of Sociology of Education RAO. (In Russ.)

Sobkin, V.S. (2022). Lev Vygotsky's Tragicomedy of Strivings: the experience of reconstruction of author's meanings. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)

Sobkin, V.S., Emelin, G.D. (2023). Vygotsky's Criticism of Fascism in German Psychology of the 1930s: Political, Socio-psychological and Personal Contexts. *Lomonosov Psychology Journal*, 46(3), 189–215. (In Russ.)

Sobkin, V.S., Klimova, T.A. (2017a). Lev Vygotsky on Joy and Sorrow (Comments on the Article “Thoughts and Moods”). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 3(23), 71–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2017130309>

Sobkin, V.S., Klimova, T.A. (2017b). “Mourning Lines”: on the of National-Cultural Self-Determination of L.S. Vygotsky. *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 13(2), 4–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2017130201>

Sobkin, V.S., Klimova, T.A. (2018). Lev Vygotsky: Who Are We? Where Do We Come From and Where Are We Heading For? (On the Question of National and Religious Identity). *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 14(1), 116–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2018140113>

Sobkin, V.S., Klimova, T.A., Prestes, Z., Tunes, E., Santos de Araujo, E. (2024a). “Linhas do Luto”: sobre a autodeterminação nacional e cultural de L.S. Vigotski. *Educação Em Foco*, (29) (Especial), e29005.

Sobkin, V.S., Klimova, T.A., Prestes, Z., Tunes, E., Santos de Araujo, E. (2024b). Lev Vigotski: sobre alegria e tristeza: Comentários ao artigo “Ideias e ânimos”. *Educação Em Foco*, (29) (Especial), e29006.

Sobkin, V.S., Klimova, T.A., Prestes, Z., Tunes, E., Santos de Araujo, E. (2024c). Lev Vigotski: quem somos, de onde viemos e para onde vamos? Acerca da questão da identidade nacional e religiosa. *Educação Em Foco*, (29) (Especial), e29007.

Vygotsky, L.S. (1982). Collected works: Problems of general psychology (2nd ed.). Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)

Vygotsky, L.S. (1984). Collected works: Child psychology (4th ed.). Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)

Vygotsky, L.S. (1986). Psychology of Art. Moscow: Art. (In Russ.)

Vygotsky, L.S. (2012). Education of Feelings. *Vestnik Prakticheskoy Psihologii Obrazovaniya = Bulletin of Practical Educational Psychology*, 9(4), 26–27 (In Russ.)

Vygodskaya, G.L., Lifanova, T.M. (1996). Lev Semenovich Vygotsky. Life. Activity. Touches to the Portrait. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)

Zavershneva, E.Y. (2013). “I Pray for the Gift of Spiritual Effort”: L.S. Vygotsky's Thoughts and Moods in 1917–1918. *Voprosy Psichologii*, (2), 1–21. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нина Леонидовна Савченко, младший научный сотрудник лаборатории Центра социокультурных проблем современного образования Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, savchenko.ni.leo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8250-9254>

Марина Валерьевна Сиян, младший научный сотрудник лаборатории Центра социокультурных проблем современного образования Федерального

научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, siyan.marina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1680-6896>

ABOUT THE AUTHORS

Nina L. Savchenko, Junior Researcher at the Laboratory of the Center for Sociocultural Problems of Contemporary Education, Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, savchenko.ni.leo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8250-9254>

Marina V. Siyan, Junior Researcher at the Laboratory of the Center for Sociocultural Problems of Contemporary Education, Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, siyan.marina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1680-6896>

Поступила: 16.04.2024; получена после доработки: 11.05.2024; принята в печать: 04.06.2024.

Received: 16.04.2024; revised: 11.05.2024; accepted: 04.06.2024.